

III

О СИНТАКСИЧЕСКОМ НУЛЕ

Настоящая статья представляет собой результат попытки ответить на ряд вопросов, которые в свое время поставил перед автором А. А. Холодович — в связи с разработкой теории грамматического залога и описанием залоговых систем в различных языках. Вот три из этих вопросов.

1) Каково соотношение между залогом, с одной стороны, и такими конструкциями, как неопределенно-личная — (1) *Ивана пригласили к трем часам* — и безличная — (2) *Ивана опрокинуло*, — с другой?

2) Являются ли бесподлежащими конструкции (1) и (2), а также конструкции типа польск. (3) *Zbudowano szkołę* букв. 'Построено школу'? Другими словами, односоставны или двусоставны соответствующие предложения? Аналогичный вопрос встает и относительно испанского пассива типа (4) *Aquí se vende periódicos* букв. 'Здесь продается газеты'.

3) Почему во фразах типа (5) *Иван был приглашен к трем часам* не усматривают «неопределенно-личного деятеля» и говорят об одночленном пассиве? Ведь (5) синонимична с (1), а (1) считается классическим образцом конструкции с неопределенно-личным деятелем.

Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо прежде всего уточнить понятие «синтаксического нуля»; это в свою очередь требует подвергнуть теоретическому анализу понятие языкового нуля вообще, а также такие достаточно сложные явления, как эллипсис и неполнота. Однако, поскольку в пределах одной статьи невозможно полностью разобраться в соответствующих трудностях, мы ограничиваемся здесь проблемой «нуль в синтаксисе», сознавая, что в действительности эта проблема не может быть окончательно решена вне единой теории синтаксической неполноты. Поэтому наши выводы носят предварительный характер и должны трактоваться как наброски той линии, по которой могла бы пойти разработка теории неполноты во всех ее аспектах и общей теории нуля в языке,

Чтобы не перегружать изложение, мы отказались от обзора существующих точек зрения и стараемся обойтись минимумом ссылок.

Дальнейшие рассуждения проводятся нами в рамках концепции лингвистических моделей типа «Смысл ↔ Текст», основные положения которой предполагаются известными (Жолковский — Мельчук, 1967, 1969; Мельчук, 1967, 1972).

* * *

Принимается следующий план изложения.

I. Понятия синтаксических нулей — нулевой словоформы (=лексемы) и нулевой лексемы — строятся как обобщение понятий морфологических нулей — нулевой морфы и нулевой морфемы, которые принимаются за исходные в силу их достаточной ясности, но крайней мере в содержательном аспекте и хотя бы в некоторых случаях (вроде *спин-θ*, *плит-θ* и т. п.; *встал-θ*, *мог-θ* и т. п.; *здоров-θ*, *получен-θ* и т. п.).

II. Целесообразность сконструированных понятий нулевой словоформы и нулевой лексемы проверяется посредством их применения для синтаксического описания некоторых типов русских фраз.

III. Разбирается одно из употреблений термина «нулевой глагол» (понятие, которое должно быть частным случаем понятия «синтаксический нуль»), бытующее в отечественной литературе. Это делается с целью упорядочить «нулевую» терминологию и одновременно показать, что некоторые из существующих употреблений терминов, не отвечающие введенным нами понятиям, связаны в действительности не с нулем, а с другими явлениями — прежде всего с эллипсисом, который необходимо четко отграничивать от синтаксического нуля, как этого требовал еще Ш. Балли (Bally, 1922); ср. также: Вардуль, 1969.

IV. Предлагаются ответы на вопросы А. А. Холодовича и отмечаются некоторые связи между теорией залогов и сформулированными понятиями нулевой словоформы и нулевой лексемы.

1

В качестве общепризнанного образца морфологического нуля мы возьмем нулевую флексию в русских словоформах типа /gúk/. Нулевая флексия есть не что иное, как нулевая морфа.

Морфа X — это элементарный¹ языковой знак, или тройка вида $X = \langle /X/; 'X'; \Sigma_X \rangle$, где: /X/ — означающее морфы, т. е. цепочка фонем (или графем, если рассматривать письменный текст); 'X' — означаемое морфы, т. е. символ или

¹ Элементарный X = 'X, который не может быть представлен в терминах других X-ов'.

комплекс символов, описывающий ее значение; Σ_X — синтактика морфы, т. е. совокупность сведений о возможности комбинирования морфы X с другими морфами.

Например:

(6) ей = $\langle /ej/; \text{мн, род; флексия сущ-го, II или III скл., после мягкой или шипящей, ...} \rangle$;

(7) ов = $\langle /of/; \text{мн, род; флексия сущ-го, II скл., не сред., не после мягкой или шипящей, ...} \rangle$.

Ясно, что нулевая морфа — это морфа, означаемым которой является пустая цепочка Δ (фонем или графем):

(8) $\emptyset^{\text{мн, род}} = \langle \Delta; \text{мн, род; флексия сущ-го, либо I скл., либо II скл., не после мягкой или шипящей (в мужском роде — при наличии специального признака), ...} \rangle$.

Нулевая морфа имеет не только совершенно нормальное означаемое (в данном случае совпадающее с означаемыми ненулевых морф ей и ов), но и специфическую синтактику: (8) возможна лишь при строго определенных основах.

Морфы, имеющие тождественные означаемые и подчиняющиеся достаточно простым правилам распределения, объединяются в одну морфему. Так, морфы ей, ов и $\emptyset^{\text{мн, род}}$ принадлежат морфеме {МН. РОД}, являясь ее алломорфами; в частности, $\emptyset^{\text{мн, род}}$ есть нулевая алломорфа морфемы {МН. РОД}.²

Известно, что существуют морфемы, имеющие только по одной алломорфе: например, в русском языке морфема {МН. ПРЕДЛ} у прилагательных содержит ровно одну алломорфу — /их/. Единственной алломорфой некоторой морфемы может быть и нулевая.

Одноэлементную морфему, содержащую только нулевую алломорфу, естественно называть нулевой морфемой. Например, морфема ед. ч. существительных и прилагательных в испанском языке {SG} содержит ровно одну, и притом нулевую, алломорфу.

Таким образом, выражение «морфологический нуль» может пониматься в одном из двух следующих точно определенных смыслов:

— либо это нулевая морфа, т. е. морфа, означаемым которой является пустая цепочка;

— либо это нулевая морфема, т. е. морфема, содержащая только одну, и притом нулевую морфу. Содержательное обобщение напрашивается само собой: «языковой нуль» — это либо нулевой знак, т. е. знак, означаемым которого является пустая цепочка, либо соответствующая нулевая «эма», т. е. образованное на основе определенных принципов множество эквивалентных знаков, содержащее только одну нулевую «алло-» (=одна нулевой знак). Однако, чтобы чувствовать себя увереннее в сфере синтаксиса, содержательно достаточно далекой от морфологии,

² Тем самым, в соответствии с нашим пониманием терминов, морфема (а также и лексема — см. ниже) не знак, а множество знаков.

целесообразно получить более абстрактную характеристику интегрирующих нас понятий и рассуждать более формально.]

В морфологии считается заданным множество словоформ. Словоформа есть языковой знак, в общем случае — сложный (неэлементарный); означающее словоформы — словесный сегмент (по терминологии А. А. Зализняка) — это цепочка фонем/графем, ее означаемое — это некоторое формальное выражение, например, принятое в модели «Смысл ↔ Текст» г л у б и н о м о р ф о л о г и ч е с к о е п р е д с т а в л е н и е словоформы: ГМП^{сг}. (Синтактика словоформы в данный момент для нас не существенна, и мы можем от нее отвлечься.) Цель морфологии — описать множество словоформ более экономным способом, нежели простым перечислением их. Эта цель достижима постольку, поскольку словоформы являются сложными знаками, т. е. поскольку в их означающих имеются повторяющиеся фрагменты, которым отвечают повторяющиеся фрагменты их означаемых. Вот один (по существу, общепринятый) путь построения такого описания.

Пусть имеется множество словесных сегментов (=значающих русских словоформ):

- (9) /rúk/, /st'én/, /l'ín'ij/, ...
 /nočéj/, /put'éj/, /nožéj/, ...
 /stvolóf/, /ostrovóf/, /bojcéf/, ...

Имеется, далее, множество ГМП этих словоформ, изображающих их означаемые:

- (10) РУКА_{мн, род} СТЕНА_{мн, род} ЛИНИЯ_{мн, род}, ...
 НОЧЬ_{мн, род} ПУТЬ_{мн, род} НОЖ_{мн, род}, ...
 СТВОЛ_{мн, род} ОСТРОВ_{мн, род} БОЕЦ_{мн, род}, ...

Нам надо задать соответствия между множествами (9) и (10) наиболее экономно, не выписывая подряд все нужные пары. Для этого и вводятся морфы:

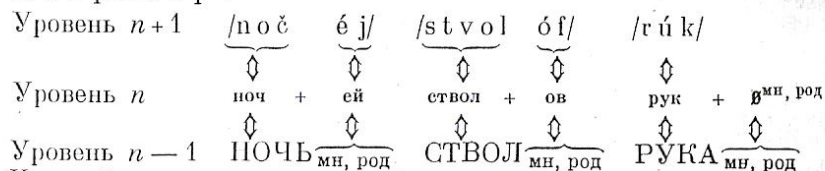
- (11) рук = </rúk/; РУКА; основа, сущ-е, жен, I скл. ... >;
 стен = </st'én/; СТЕНА; основа, сущ-е, жен, I скл. ... >;
 ...
 остров = </ostrov/; ОСТРОВ; основа, сущ-е, муж, II скл. ... >;
 боец = </bojec/; БОЕЦ; основа, сущ-е, муж, II скл. ... >;
 ø^{мн, род} = <Λ; мн, род; флексия сущ-го, либо I скл. ... >
 (см. выше, (8)).
 ей ≈ </ej/; мн, род; ... >
 ов ≈ </of/; мн, род; ... > } (см. выше, (6) и (7)).

Морфы описываемого языка задаются списком; ясно, однако, что этот список существенно меньше списка словоформ (с учетом регулярного словообразования для такого языка, как русский, список морф меньше списка словоформ не менее чем в 100 раз). Соответствие (9) ↔ (10) задается очевидным образом: при переходе (9) ⇒ (10) означающее словоформы (=словесный сегмент) разрезается на означающие подходящих морф так, чтобы это не противоречило их синтактикам, а затем означаемые этих морф

объединяются в ГМП словоформы; обратно, при переходе (10) ⇒ (9) исходное ГМП словоформы разрезается на означаемые морф, подбираемых с соблюдением требований их синтактик; означающие этих морф объединяются, и тем самым получается означающее словоформы. (Соответствие между словесными сегментами и ГМП словоформы описано здесь очень приблизительно: например, даже не упомянуты акцентирование и морфонологические изменения разных типов; этого, однако, достаточно для наших целей.) При указанном подходе естественно возникает некоторое промежуточное представление словоформ в терминах морф. Именно с точки зрения морфологии разумно иметь по крайней мере три представления словоформ:

- «верхнее» (уровень $n+1$), т. е. словесный сегмент — цепочка фонем или графем;
- «промежуточное» (уровень n), т. е. цепочка морф;
- «нижнее» (уровень $n-1$), т. е. ГМП^{сг}.

П а п р и м е р :

Из этой схемы легко усматривается формальная специфика нулевых морф: нулевая морфа — это такой символ в промежуточном представлении уровня n , который при переходе $n ⇒ (n-1)$ преобразуется в какой-либо символ (комплекс символов), а при переходе $n ⇒ (n+1)$ в с е г д а преобразуется в пустую цепочку; на «своем» уровне (=на уровне n) данный символ комбинируется с другими символами того же уровня по вполне определенным правилам.

Мы принимаем, что подобная формальная особенность должна быть присуща л ю б о м у нулевому знаку в языке: нулевой знак — это всегда такой символ на уровне представления n , оправдываемый обычно «спизу» (=отвечающий ненулевым символам на уровне $n-1$) и «сбоку» (=подчиняющийся строго определенным правилам сочетания с другими символами уровня n),³ который отвечает на уровне $n+1$ пустой цепочке.

Заметим, наконец, что в морфологии (в рамках модели «Смысл ↔ Текст», что, впрочем, соответствует общей практике) используется еще один уровень представления — n' : «эмный» (морфемный) уровень, лежащий между n и $n-1$, где словоформа представляется как набор морфем: {НОЧЬ} + {МН. РОД}, {СТВОЛ} + {МН. РОД}, {РУКА} + {МН. РОД}. (Напоминаем, что морфема

³ Ниже, на стр. 359—360, мы увидим, что в принципе для постулирования нулевого знака достаточно и одного «оправдания», например только «сбоку», — возможны пустые нулевые знаки, имеющие лишь синтактику!

— это множество морф; так, {НОЧЬ} = ноч, {СТВОЛ} = ствол/ствол', {РУКА} = рук/рук'/руч.

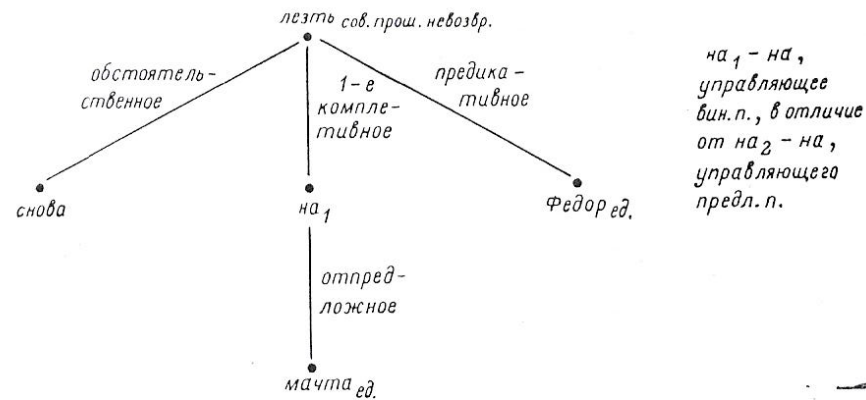
Теперь мы полностью вооружены всем необходимым для конструирования аналогов нулевой морфы и нулевой морфемы в сфере синтаксиса. Необходимо только учитывать, что аналогия эта не может быть полной: различия между морфологией и синтаксисом слишком существенны, так что наши параллели оказываются в известной степени лишь наводящими соображениями.

Итак, для того чтобы рассуждать о языковом нуле уровня n , необходимо заранее точно фиксировать представления уровней $n+1$ и $n-1$. С точки зрения проблемы нуля представления этих уровней должны приниматься как аксиома, из которой надлежит исходить; то, каковы $n+1$ и $n-1$, следует решить *о т и д о* решения вопроса о нуле на уровне n . В синтаксисе считается заданным множество фраз (фраза является для синтаксиса тем же, чем словоформа является для морфологии; ср. выше, стр. 346). Фраза — это тоже языковой знак, в общем случае сложный. Означающее фразы — фразовый сегмент — есть цепочка фонем, снабженная должной просодикой (интонационный контур, ударения, паузы); это будет «верхний» уровень синтаксиса: $n+1$. Означаемое фразы — фразовое семантическое представление — есть особый граф, введенный для описания смысла фраз; это будет «нижний» уровень синтаксиса: $n-1$.⁴ Аналогом морф-кирпичиков, из которых складывается словоформа, здесь будут «кирпичики», из которых складывается фраза, — словоформы, или лексы (термин «лекса», полностью синонимичный более принятому термину «словоформа», в данном случае удобен в силу соотносительности: морфа/морфема = лекса/лексема). Поэтому промежуточное представление уровня n в синтаксисе есть запись фразы в виде последовательности лекс, которые удобно в свою очередь представлять в виде ГМП^{ст.}. Так, для фразы (12) Федор снова полез на мачту представлением уровня n в синтаксисе будет запись (13) ФЕДОР_{ед, м.} СНОВА ЛЕЗТЬ_{сов, прош, невозвр, ед, муж} НА₁ МАЧТА_{ед, вил.} И, наконец, роль представления уровня n' — представления в терминах синтаксических «эм» — играет [п о в е р х н о с т н о -] с и н т а к с и ч е с к а я с т р у к т у р а (СС). Это дерево зависимостей, узлы которого линейно не упорядочены и находятся во взаимно-однозначном соответствии со всеми лексами фразы, в том числе и нулевыми (см. ниже). Каждый узел помечается именем лексемы, к которой принадлежит соответствующая ему лекса; имя лексемы снабжается индексами всех семантически наполненных морфологических характеристик представляемой лексы (синтаксически обусловленные, т. е. не-

⁴ Что касается синтактики, то у фраз (и, разумеется, у более сложных знаков) этот компонент отсутствует; ср. известный доклад Э. Бенвениста на IX конгрессе лингвистов (1962 г.). Возможно, что фразу лучше считать не знаком, а знаковым комплексом.

семантические морфологические характеристики в СС опущены. Каждая ветвь дерева помечается именем соответствующего [поверхностно-] синтаксического отношения; именно эти отношения единообразно и эксплицитно изображают все то, что во фразе передается пестро, сложно и неявно — такими нелексическими синтаксическими средствами, как порядок слов и «синтаксическая» морфология (согласование и управление). Тот факт, что в СС нет никаких других (отличных от синтаксических отношений) средств изображения межсловных связей, поскольку ни порядок слов, ни «синтаксическая» морфология в СС не сохраняются, будет существенно использован в дальнейшем (см. стр. 351).

Синтаксическая структура фразы (12) имеет вид (14):

Читатель, возможно, уже догадался, что мы хотим понимать под «синтаксическими нулями». Синтаксическим аналогом нулевой морфы является нулевая словоформа (= нулевая лекса), имеющая в качестве означающего пустую цепочку фонем; другими словами, это такой символ в представлении фразы на n -м синтаксическом уровне, который при движении «вверх», к тексту, всегда пропадает — переходит на уровне $n+1$ в пустую цепочку (во фразовом сегменте ему не отвечают никакие фонемы), а при движении «вниз», к смыслу, переходит в определенный комплекс символов уровня $n-1$. Аналогом нулевой морфемы является нулевая лексема — одноэлементное множество лекс, содержащее только нулевую лексу; символ нулевой лексемы, наряду с символами прочих лексем, выступает в качестве пометы при соответствующем узле синтаксического дерева, т. е. в синтаксическом представлении n' -го уровня.

Как и нулевая морфа, нулевая лекса «ущербна» только в отношении означающего: она имеет полноценное означаемое и полноценную синтактику (вполне определенным образом сочетаясь только с определенными словами, влияя на форму других слов и т. п.).

Как и нулевая морфа, нулевая лекса может либо входить в одну лексему с ненулевыми лексами (нулевая лекса лексемы БЫТЬ — общеизвестные нулевая связка и нулевой бытийный глагол наст. вр.), либо быть единственной лексой в составе нулевой лексемы (нулевая лекса — неопределенно-личный деятель; см. ниже).

Наконец, точно так же, как нулевые морфемы должны обязательно фиксироваться в перечнях морфем, входящих в состав морфологического описания языка, нулевые лексемы должны обязательно вноситься в словарь языка и сопровождаться там соответствующими словарными статьями. Нулевые лексы ненулевых лексем также должны указываться в их словарных статьях, как указываются в морфемно-морфных правилах нулевые морфы ненулевых морфем.

2

Попробуем теперь применить понятия нулевой лексы (словоформы) и нулевой лексемы к материалу русского языка.

Во фразах (15) *Воцман — большой шутник* или (16) *Федор в соседней комнате* необходимо усматривать (как это и принято) нулевые словоформы $\emptyset_{\text{быть I}}$ и $\emptyset_{\text{быть II}}$ с соответственными значениями «являться» и «находиться». Эти лексы принадлежат лексемам БЫТЬ_I (связка) и БЫТЬ_{II} («находиться»).

Возьмем теперь фразы (17) *Улицу засыпали песком* и (18) *Улицу засыпало песком*.

Между (17) и (18) имеется совершенно очевидное различие в смысле: в (17) засыпание улицы песком осуществили, безусловно, люди (кто именно — из (17) неясно, но ясно, что песок сыпали люди); в (18) это сделали заведомо не люди, а некие стихийные силы — ветер, смерч или нечто подобное. Следовательно, смысловые представления, т. е. записи уровня ($n-1$), для (17) и (18) должны иметь вид вроде: (17') «Люди засыпали улицу песком» и (18') «Стихии засыпали улицу песком». Здесь выражения «люди» и «стихии» условно обозначают достаточно сложные и специфичные смыслы (а вовсе не смыслы соответствующих русских слов).⁵

Чем же выражены смыслы «люди» и «стихии» в (17) и (18)? Наиболее целесообразно, по-видимому, считать, что в (17) и (18) имеются, соответственно, нулевые субстантивные словоформы (= лексы) $\emptyset_{\text{люди (мн)}}$ и $\emptyset_{\text{стихии (ср, ед)}}$, т. е. вводить данные символы в представление фразы на уровне n ; в синтаксические структуры этих фраз (на уровне n') тогда естественно помещать нулевые лексемы — существительные $\emptyset_{\text{люди (мн)}}$ и $\emptyset_{\text{стихии (ср, ед)}}$.

Если не усматривать во фразах (17) и (18) нулевых словоформ, а в их структурах — нулевых лексем, то возникают трудности двух типов.

⁵ Возможно, более удачным было бы говорить о смысле «нечто», заменив этим выражением выражение «стихии».

Семантические трудности. При отсутствии в (17) и (18) указанных нулевых словоформ, а в их СС — соответствующих нулевых лексем, непонятно, чему следует приписать смыслы «люди» и «стихии». По-видимому, единственным кандидатом является глагол-сказуемое. Но тогда придется считать, что практически у всех глаголов личные формы 3-го л. мн. ч. и 3-го л. ед. ч. ср. р., взятые сами по себе, всегда неоднозначны: *пишут* = либо ПИСАТЬ_{песов, наст, невозвр, 3 мн} либо «люди пишут»; *тащило* = либо ТАЩИТЬ_{песов, прош, возвр, ср} либо «стихии тащили» (*Его тащило по камням, ударяло о берег . . .*) и т. д. Тем самым во всех глагольных парадигмах появятся добавочные формы со значениями «люди . . .» и «стихии . . .», а также, возможно, и другие (см. ниже). Если же говорить, что указанные неопределенно-личное и безличное значения присущи глагольным формам 3-го л. мн. ч. и ед. ч. ср. р. не всегда, а лишь в определенной конструкции — именно, при отсутствии подлежащего, «материального» или легко восстанавливаемого из контекста, или (что почти то же самое), если объявить носителем смыслов «люди» и «стихии» не глагол сам по себе, а всю конструкцию в целом, т. е. глагол (в данной форме) плюс отсутствие подлежащего, то это означает приписывание названных значений отсутствию подлежащего: ведь чтобы задать рассматриваемую конструкцию, приходится оперировать символом «отсутствие подлежащего», а это по существу и есть нулевая словоформа — подлежащее.

Синтаксические трудности. Если в (17) и (18) не усматриваются предлагаемые нами нулевые словоформы, а в их СС — соответствующие нулевые лексемы, то непонятно, как быть с числом, лицом и родом (в прошедшем времени) личных сказуемых в этих фразах. На стр. 349 было указано, что согласовательная морфология в СС не отображается,⁶ поэтому в СС при ЗАСЫПАТЬ не может быть индексов числа, лица и рода: в обычной ситуации они определяются подлежащим. Чтобы не прибегать к каким-либо средствам ad hoc, достаточно видеть подлежащие и здесь. Лексема-существительное $\emptyset_{\text{люди (мн)}}$ вызывает согласование сказуемого с собой по 3-му л. мн. ч. (это, так сказать, своеобразное *plurale tantum*; ср.: *Люди говорят . . .*, *Люди так не делают* и т. п.), а лексема $\emptyset_{\text{стихии (ср, ед)}}$ — по 3-му л. ед. ч. ср. р. (существительное *singulare tantum* ср. р.).

⁶ Мы не можем специально обосновывать здесь целесообразность именно такой поверхностно-синтаксической структуры; укажем лишь главное в этой связи соображение: поскольку назначение СС — эксплицитное и стандартное описание синтаксического строения фразы, то чисто синтаксические средства, т. е. синтаксически обусловленная просодика, порядок слов и морфология (согласования и управления) должны изображаться в СС отнюдь не *tels qu'ils sont*, во всей их нестроте и сложности, а более абстрактно и формально — посредством поверхностно-синтаксических отношений; сами же по себе синтаксические средства фразы в ее СС не сохраняются.

Таким образом, мы видим, что названных трудностей легко избежать с помощью нулевых лексем: это и приводит нас к выводу о необходимости иметь лексемы $\emptyset_{(мн)}$ и $\emptyset_{(ср, ед)}$ в словаре русского языка, где они будут снабжены толкованиями и детальной характеристикой их синтаксического поведения. Это тем более разумно, что означаемые и синтактики лексем $\emptyset_{(мн)}$ и $\emptyset_{(ср, ед)}$ весьма специфичны; в этой связи представляются уместными следующие замечания.

Во-первых, означаемое «люди» не является просто отрицанием означаемого «стихии», т. е. его логическим дополнением (и, разумеется, наоборот): (19) *Его всего исцарапали* (люди, т. е. $\emptyset_{(мн)}$); (20) *Его всего исцарапало* (стихийные силы — при падении, ветками на бегу и т. п., т. е. $\emptyset_{(ср, ед)}$). Но ни в (19), ни в (20) не могут, видимо, иметься в виду животные. Если кого-либо исцарапали, например, кошки, то ни с помощью (19), ни с помощью (20) этого выразить нельзя.⁸

Во-вторых, лексемы $\emptyset_{(мн)}$ и $\emptyset_{(ср, ед)}$ не имеют синонимов, так что соответствующие означаемые не могут быть адекватно и естественно выражены по-русски каким-либо другим (и притом общим) способом. Любопытно, что $\emptyset_{(мн)}$ и $\emptyset_{(ср, ед)}$ далеко не совпадают по значению с франц. *on* и *il*, нем. *man* и *es*: высказывания с *on* и *man* вовсе не всегда могут быть переведены посредством высказываний с $\emptyset_{(мн)}$; то же верно относительно $\emptyset_{(ср, ед)}$, *il* и *es*.

В-третьих, наши нулевые лексемы имеют ограниченную сочетаемость (что, возможно, связано с их означаемыми: здесь еще много неясного). Так, $\emptyset_{(мн)}$ не употребляется при сказуемых в пассиве: (21) *Там расстреляли героев-партизан* (с подлежащим $\emptyset_{(мн)}$) — правильная и полная фраза, а (22) **Там были расстреляны палачами* (с подлежащим $\emptyset_{(мн)}$) — неправильная. (Эта фраза может быть и правильной, но неполной: не с подлежащим $\emptyset_{(мн)}$, а с опущенным подлежащим ОИИ, например: *Там и были схвачены герои-партизаны. Там были расстреляны палачами*). Не сочетается $\emptyset_{(мн)}$ и с некоторыми конкретными глаголами вроде *находиться* или *сниться* (**Мне все время снится*). При этом с возвратными и взаимными формами глаголов лексема $\emptyset_{(мн)}$ сочетается свободно: (23) *Там умываются (одеваются)*; (24) *Там целуются (дерутся)*. Похоже, что дело здесь — в означаемом: оно, возможно, содержит компонент вроде «действие»/«деятель», что исключает упо-

требление лексемы $\emptyset_{(мн)}$ с сугубо «пассивными», «бездеятельными» сказуемыми.

И, наконец, в-четвертых, лексемы $\emptyset_{(мн)}$ и $\emptyset_{(ср, ед)}$ имеют, наряду с лицом, числом и родом, также и падеж, причем только один: именительный (ср. существительные *щец, древец, дрожжец*, имеющие тоже только один падеж). Совершенно аналогично лексемы франц. *on* и нем. *man* возможны лишь в роли подлежащего. Фраза (25) *Он был весь исцарапан* не синонимична ни с (19), ни с (20); в (25) вообще не указано, кто/что его царапал(о). При конверсировании фраз (19) и (20) мы автоматически получаем (25) — с потерей информации о деятеле, потому что нулевая лексема должна была бы оказаться в позиции агентивного дополнения, т. е. в творительном падеже, а это для нее невозможно.

Наряду с лексемами $\emptyset_{(мн)}$ и $\emptyset_{(ср, ед)}$ представляется разумным ввести нулевую лексему $\emptyset_{(любой)}$, единственная (нулевая) словоформа которой имеет означаемое \approx «любой человек» \approx «всякий» (в смысле *Что волки жадны, всякий знает*).

$\emptyset_{(любой)}$ — это существительное ед. ч., способное выступать:

а) в роли прямого дополнения (вин. п.): (26) *Подобные поручения очень обременяют*; (27) *В интернате заставляют спать после обеда*; (28) *Такое отношение очень радует*;⁹

б) в роли косвенного дополнения (дат. п.): (29) *Известно, что Земля вращается вокруг Солнца* \approx «Любому человеку известно...»; (30) *Нельзя так говорить*; (31) *Курить воспрещается*;

в) в роли присубстантивного атрибута (род. п.): (32) *Своя ноша не тянет* \approx «Собственная (= своя) ноша любого человека не отягощает (= не тянет) этого любого человека».

В роли подлежащего $\emptyset_{(любой)}$ выступать не может; ср. *себя*, которое тоже имеет лишь косвенные падежи.

3

Итак, мы фиксировали для русского языка три нулевых лексемы: существительные $\emptyset_{(мн)}$ (им. п.), $\emptyset_{(ср, ед)}$ (им. п.) и $\emptyset_{(любой)}$ (род., дат., вин. п.); кроме того, БЫТЬ в разных значениях содержит нулевые словоформы (= лексы) наст. вр.: $\emptyset_{(быть)}$ I, $\emptyset_{(быть)}$ II... При этом мы вовсе не считаем данный перечень закрытым: скорее всего, необходимо ввести еще пару «безличных» нулевых лексем — «личность» (*Мне холодно <больно, смешно, ...> = «моя «личность» (мое «я») ощущает холод <боль, смешное...>»*) и «реда» (*Здесь холодно*

⁹ Это позволяет считать, что прямое дополнение при глаголах этих предложений синтаксически строго обязательно: его «физическое» отсутствие несет вполне определенную информацию и трактуется как нулевая словоформа лексемы $\emptyset_{(любой)}$. Иначе обстоит дело с глаголами *читать, верить, неть* и т. д.: при них прямое дополнение синтаксически факультативно и его отсутствие никакой информации не несет. Во фразе *Он сидел и читал* о том, что именно он читал, не сообщается абсолютно ничего.

⁷ Этот вывод полностью совпадает с мнением М. В. Панова, изложенным хотя и крайне лаконично, но совершенно четко (Панов, 1960 : 41).

⁸ Здесь имеются, в действительности, свои сложности, в которых еще предстоит разобраться; ср. нормальные фразы вроде *Надо же, всё склевали!* или *Бедняцкий, как тебя покусали!* (где нулевое подлежащее обозначало бы птиц и, соответственно, насекомых) и невозможные **Такой силос не едят* (о коровах) или **У нас пасутся на большом луку* (о любых жвачных). Скорее всего, во фразах первого типа имеет место эллипсис подлежащего.

«грязно, накурено, . . .» = 'здесь «среда» холодная (грязная, накуренная, . . .)'; ничто не исключает обнаружения и других нулей. Ряд синтаксических нулей уже предлагался, и, чтобы легче ориентироваться в соответствующих построениях, полезно, как нам кажется, внести следующее уточнение в «нулевую» терминологию.

Различные употребления терминов «нуль» и «нулевой», укоренившиеся в лингвистической литературе вслед за известными статьями Ш. Балли (Bally, 1922) и Р. О. Якобсона (Jakobson, 1938), можно разделить на два класса.

а) «Нуль»/«нулевой» применительно к языковым единицам: нулевая фонема, нуль звука, нулевой аффикс, нулевая флексия, нулевой знак, . . ., нулевой артикль, нулевой глагол, . . ., нулевое сказуемое (подлежащее, дополнение), . . .

б) «Нуль»/«нулевой» не применительно к языковым единицам: нулевая парадигма, нулевое чередование, нулевой порядок слов, нулевая стилистическая характеристика, нулевая предикативная связь, нулевая валентность, . . .

Употребления класса «б» — это, как правило, метафоры, не имеющие достаточно точного общего смысла и заменимые в каждом конкретном случае некоторым другим выражением: нулевая парадигма = беспризнаковая парадигма; нулевой порядок слов = нейтральный порядок слов; нулевая валентность = отсутствие валентности; и т. п. От подобного словоупотребления желательнее полностью отказаться, иначе термины «нуль» и «нулевой» совершенно расплываются (ср. Naas, 1957 : 34, сноска 1).

Что же касается употреблений класса «а», то и в них хотелось бы навести порядок, а именно — придать термину «нуль»/«нулевой» стандартный и точный смысл. В соответствии со сказанным в разделах 1 и 2 мы предлагаем использовать термины «нуль» и «нулевой» только применительно либо к языковым знакам — морфам и лексам (словоформам), — либо к множествам равнозначных знаков, распределенных по достаточно простым правилам, — морфемам и лексемам. Принятие этого предложения влечет два следствия.

Во-первых, словосочетания типа «нуль звука», «нулевая фонема», «чередование фонемы /X/ с нулем», «нулевое означаемое», «нулевой смысл», . . . должны быть признаны терминологически неудачными: звуки, фонемы, означаемые — не знаки и не множества знаков, так что здесь прилагательное «нулевой» имеет совсем другое значение, нежели, например, в «нулевой аффикс» — «нулевой» здесь означает просто 'отсутствие.' Недаром ведь в морфологическом представлении текста нулевые морфы указываются обязательно (нулевая морфа — это вовсе не отсутствие морфы), а в фонологической или фонетической транскрипции нулевые фонемы/звуки никогда не выписываются.

Во-вторых, словосочетания типа «нулевое сказуемое» (подлежащее, дополнение), «нулевой глагол», «нулевое имя», «нулевой артикль» и т. п., а также «нулевой синтаксический элемент» и «нуле-

вой вариант слова» (термины Л. С. Бархударова — Бархударов, 1966 : 180) должны употребляться только для обозначения нулевых словоформ или лексем: нулевое сказуемое = сказуемое, выраженное нулевой словоформой; нулевой глагол = нулевая глагольная лексема; нулевой вариант слова = нулевая словоформа лексемы; и т. п.

Теперь напомним, что выше (см. стр. 350) мы по существу сформулировали критерий, позволяющий проверять целесообразность постулирования нулевых знаков и соответствующих нулевых «-эм». Этот критерий — готовность исследователя включить предлагаемый им нулевой знак или нулевую «-эму» в тот же самый перечень, в который включены и все аналогичные ненулевые знаки /«-эмы», снабдив его/ее должным семантическим описанием и синтактикой. Точно так же, как нулевой аффикс вводится в список аффиксов данного языка, нулевая лексема (вместе со своей словарной статьей) обязательно должна помещаться в его словарь.

Хотя данный критерий совершенно не формален, очевидно, что его можно формализовать, установив условия, которыми определяется готовность/неготовность исследователя вводить ту или иную единицу в перечень, входящие, в свою очередь, в описание языка. Эти условия сводятся, по всей вероятности, к максимальной компактности и стандартности перечней, т. е., как правило, лингвисты стремятся без особой необходимости не увеличивать перечней, не дублировать составляющие их единицы, а также не вводить в перечень единицы, слишком резко отличающиеся по своим свойствам от всех прочих единиц. Точное формулирование указанных условий — отдельная задача, и заниматься ею здесь мы не будем. Для наших целей достаточно, чтобы весьма абстрактный, далеко не очевидный для интуиции вопрос о существовании той или иной нулевой единицы был жестко связан с вполне конкретным и, на наш взгляд, гораздо более очевидным для интуиции вопросом о включении некоторой единицы, в частности нулевой, в подходящий перечень.

Конструкция, нужная нам для анализа высказываний и предложений относительно синтаксических нулей, готова: говоря о «нулевом X» на синтаксическом уровне, исследователь, как было показано, говорит в действительности о нулевой словоформе или нулевой лексеме; целесообразность же постулирования данной нулевой лексемы проверяется целесообразностью включения ее в словарь.]

Рассмотрим с такой точки зрения понятие «нулевых глаголов движения», предложенное Е. М. Галкиной-Федорук (1962): во фразах типа (33) *Татьяна в лес, медведь за ней*. Сказуемыми являются, по мнению Е. М. Галкиной-Федорук, «нулевые глаголы движения». Однако Е. Н. Ширяев убедительно показал (Ширяев,

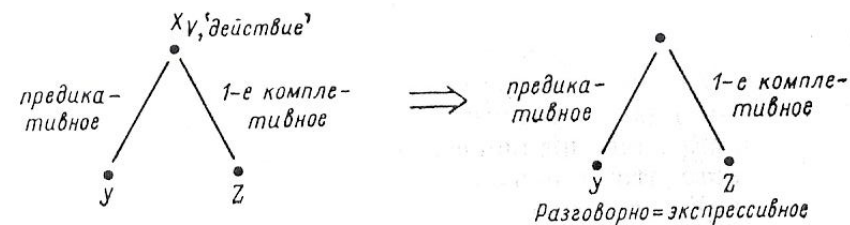
1967, 1973), что логическая последовательность требует признать для фраз, абсолютно аналогичных по строению фразе (33), «нулевые глаголы избияния» ((34) *А мы ее по толстым мясам*), «нулевые глаголы сообщения» ((35) *Про свои делишки он мне ни слова*), «нулевые глаголы игры» ((36) *Мы с ней уже вторую партию*) и т. п. По-видимому, вообще мало таких глагольных значений, которые нельзя было бы выразить «нулевым глаголом» (в смысле Галкиной-Федорук и Ширияева); даже, например, *дифференцировать* (в математическом смысле) заменимо на «нулевой глагол»: (37) *А мы это сейчас по t* (подразумевается 'продифференцируем'). Тогда, если понимать выражение *нулевой глагол* (движения, говорения, избияния, ...) как 'нулевая словоформа' или 'нулевая лексема', пришлось бы пойти на одно из двух: либо включать практически в каждую глагольную лексему нулевую словоформу (не различающую лиц, чисел, времен), либо вводить в словарь огромное количество нулевых лексем — синонимов почти для каждого глагола. Однако те, кто говорит о «нулевых глаголах», вряд ли согласились бы на это. Тем самым ясно, что в фразе (33)—(37) нет «нулевых глаголов», которые были бы аналогичны нулевым существительным *люди* (мн), *степи* (ср, ед) и *любовь*. В выражении «нулевой глагол» термин «нулевой» используется Е. М. Галкиной-Федорук и Е. Н. Ширияевым совсем не в том смысле, что в составе сочетаний «нулевой аффикс» или «нулевая лексема». Поэтому в случаях типа (33)—(37) целесообразнее говорить об эллипсисе (как это было предложено, в частности, И. А. Поповой — Попова, 1953 : 55—63). Поясним, что именно мы имеем в виду.

В СС фраз типа (33)—(37) необходим вершинный узел, помеченный символом некоторой конкретной лексемы: именно эта лексема несет существенный фрагмент смысла фразы и именно ее свойствами определяется оформление управляемых существительных (выбор предлога или падежа). Заметим, что управление — дело сугубо лексическое; оно обуславливается именно лексемой, а не просто смыслом; ср.: (38) *А он нам математику* vs. (39) *А он нас математике* в СС фразы (38) явным образом должно быть *преподавать*, а в СС фразы (39) — *учить* или *обучать*. Лексема в вершине СС фраз (33)—(39) не может быть нулевой в соответствии со сказанным на стр. 355—356, иначе нам пришлось бы продублировать словарь русского языка.

Однако в самих фразе (33)—(39), т. е. на уровне $n+1$, вершинная лексема материально ничем не представлена. Более того, мы не можем считать, что она представлена своим «нулевым вариантом» — нулевой словоформой, иначе нам пришлось бы ввести нулевые словоформы в состав большинства русских глагольных лексем.

Поэтому нам остается принять, что при переходе от СС фразы типа (33)—(37) к цепочке глубинно-морфологических представлений составляющих ее словоформ вершинная лексема в ы б р а с ы-

в а е т с я из СС. Эту операцию можно описать правилом следующего вида:

Т. е. «в произвольной СС может быть элиминирован вершинный глагол, обозначающий действие [не состояние] и имеющий при себе первое дополнение; результирующая фраза носит разговорный и экспрессивный характер». Это правило можно применять только к уже м о р ф о л о г и з о в а н н ы м структурам: это значит, что лексема-сказуемое элиминируется из СС лишь после того, как в соответствии с ее синтактикой определены формы ее дополнений.

Это правило и есть э л л и п с и с, вернее — один из эллипсисов, возможных в русском языке. Очевидно, что оно нуждается в ряде уточнений: оно применимо, вероятно, все же не ко всем глаголам, обозначающим действия; оно далеко не всегда применимо при наличии одного только прямого дополнения; неясен статус помет «разговорность» и «экспрессивность», их место в синтаксическом представлении фраз и т. п. Однако здесь это для нас не существенно: нам нужно лишь дать отчетливое принципиальное понятие об эллипсисе как о языковом правиле особого типа.

Нуль и эллипсис в языке резко противопоставлены: нуль (\emptyset) — это либо знак, имеющий в качестве означающего пустую цепочку, либо одноэлементное множество, содержащее такой знак; эллипсис ($X \Rightarrow \Delta$) — это правило элиминирования определенных знаков в определенном контексте (где эти знаки, по существу, избыточны). Нуль в общем случае обязательно имеет значение, т. е. несет какую-то информацию; эллипсис же — в принципе операция незначающая: ее применение не меняет смысла, но требуется для грамматической или стилистической корректности высказывания. При этом эллипсис, как и нуль, принадлежит языку, так что все эллипсисы обязательно должны включаться в грамматику наряду с другими синтаксическими правилами. (Подробное обоснование необходимости включения правил эллипсиса в грамматику см.: Shopen, 1972). Достаточно напомнить, что разные языки имеют, вообще говоря, и разные эллипсисы; ср. *Прошу (Поздравляю) вас...* с эллипсисом подлежащего *я*, который невозможен в английском, а в русском при глаголах такого типа (=перформативах) стилистически обязателен. Поэтому абсолютно неправильно противопоставлять эллипсис нулю как явление речи еди-

нице языка (подобная точка зрения восходит, по-видимому, к Bally, 1922). О проблеме «нуль vs. эллипсис» см. Сковородников, 1973 : 118—119.

Отметим в заключение, что синтаксический нуль и эллипсис (в предлагаемом здесь понимании) еще не покрывают весь круг явлений, традиционно рассматриваемых в связи с синтаксической неполнотой.

4

Попробуем теперь ответить на вопросы А. А. Холодовича, т. е. выяснить, каковы импликации проведенного нами анализа для задачи описания грамматических залогов в языках мира.

Вопрос 1-й. Что касается конструкции (1) *Ивана пригласили к трем часам*, то с точки зрения залога в ней нет абсолютно ничего особенного: это самая обычная активная конструкция с подлежащим $\text{В}_{\text{ст.хия}}^{\text{люди}}$; синтаксически она несколько не отличается от конструкций с ненулевым подлежащим. С конструкцией (2) *Ивана опрокинуло* дело обстоит сложнее.

Если полностью принять предлагаемую нами трактовку подобных конструкций и усматривать в них наличие нулевого подлежащего $\text{В}_{\text{ст.хия}}^{\text{сп, ед}}$, то тогда конструкции типа (2) тоже оказываются активными, лишенными какой бы то ни было залоговой специфики. Мы склоняемся именно к такому решению, отмечая, однако, следующую трудность: тогда приходится считать, что в общем случае фразы в парах типа (40) *Поля побил градом — Град побил поля*, (41) *Глаза резало на свету — Свет резал глаза* или (42) *Сильным ударом его сбilo с ног — Сильный удар сбил его с ног* несинонимичны: левые члены должны пониматься как «Стихий побили поля градом», а правые — как «Град побил поля», т. е. в (40)—(42) следует видеть то же различие, что и в (43) *Карандаш провел тонкую линию — Иван провел карандашом тонкую линию*. Это понимание представляется нам оправданным. В самом деле, хотя между обеими фразами в (40) смысловое различие не усматривается, это легко объясняется: поскольку град и сам по себе «стихий», то обе эти фразы имеют один и тот же денотат, а потому кажутся синонимичными и сигнификативно (ср. ответ на вопрос (3)). Однако уже в (42) несинонимичность обеих фраз более очевидна: первая фраза означает, что его ударяло нечто непонятное, неясное, во второй такого значения нет; именно от этого зависит, по-видимому, некорректность фразы (44) *Солдаты бросились на Ивана, и сразу же* сильным ударом его сбilo с ног* (надо: . . . сильный удар сбил его с ног). Несинонимичность выражений *Вода залила . . .* и *Водой залило . . .* отчетливо видна в (45) *Иван открыл кран, и *водой сразу же залило пластину* (надо: . . . и вода сразу же залила пластину).

Альтернатива к изложенному решению состоит в том, чтобы считать фразы в парах (40)—(45) синонимичными; тогда конструк-

ции типа (2) следует признать особым залогом («безличным», или «субъектным имперсоналом»). Это само по себе не мешает частичному принятию нашей трактовки синтаксических нулей: в конструкции типа (2) все равно можно усматривать нулевое подлежащее, но только семантически пустое и нужное лишь для описания согласовательных форм сказуемого; о семантически пустом нулевом подлежащем см. несколько ниже. Таким образом, хотя вопрос о залоговом статусе безличных конструкций нельзя признать решенным, его исследование не должно, по всей вероятности, скажаться на принципиальных основаниях нашего подхода к синтаксическим нулям.

Вопрос 2-й. Конструкции (1)—(4) не являются бесподлежащими (если понимать слово «бесподлежащий» в прямом смысле): во всех них в качестве подлежащего выступают нулевые лексемы, фигурирующие в их синтаксических структурах, но «пропадающие» при переходе к реальной фразе. Более того, получается, что в русском языке и вообще в языках, где личное сказуемое как-либо согласуется с подлежащим (т. е., например, в испанском, английском и т. п.), не бывает бесподлежащих лично-глагольных предложений, хотя, разумеется, возможны неполные предложения, не имеющие ни личного сказуемого, ни подлежащего. Если же в предложении есть личный глагол, то он должен с чем-то согласовываться, а это «что-то» — всегда подлежащее, в том числе выраженное нулевой лексемой. Предложения (46) *Цыплят по осени считают* и (47) *Морозит для нас д в у с о с т а в н ы* точно так же, как двумерны словоформы типа *рук, стен . . . Пис, забор . . .* и др.; при этом предложение (47) — хотя и не бесподлежащее, но безличное поскольку его подлежащим может быть только $\text{В}_{\text{ст.хия}}^{\text{сп, ед}}$.

Таким образом, пассив типа (3) *Zbudowano szkołę* оказывается трехчленным: нулевое подлежащее + сказуемое + прямое дополнение (или даже четырехчленным, поскольку возможно *Imi zbudowano szkołę* — то же + агентивное дополнение в тв. п.). Это требует некоторых поправок к схеме исчисления грамматических залогов, намеченной в статьях: Холодович, 1970; Мельчук — Холодович, 1970).

Заметим, что в конструкциях типа (3) появляется любопытная разновидность нулевого подлежащего: семантически п у с т а я нулевая лексема, т. е. нулевая лексема, имеющая в качестве означаемого пустой семантический граф. Пустые лексемы хорошо известны в самых разных языках: сильноуправляемые предлоги и союзы, разного рода слова-прокладки (вроде иранского изафета), наконец, «фиктивные» (= «грамматические», «эксплетивные») подлежащие-местоимения: англ. *it*, фр. *il*, нем. *es*, во фразах типа (48) *It is evident that the parser shouldn't . . .* и т. п. *It*, выступающее в (48), имеет означаемое /it/ и весьма сложную синтактику; однако означаемое у него — пустое множество сем: $it = \langle /it/; \Lambda; \text{предваряющее местоимение в таких-то конструкциях} . . . \rangle$.

Единственная словоформа нулевой лексемы, фигурирующей в качестве «грамматического» подлежащего в (3), имеет, по существу, только синтактику (правда, весьма специфичную); ее означающее — пустая цепочка фонем, ее означаемое — пустое множество сем: $\emptyset^{\text{факт}} = \langle \Lambda; \Lambda; \text{ср, ед, употребляется в таких-то конструкциях...} \rangle$.

Тем не менее наличие хотя бы синтактики, проявляющееся в согласованиях и т. п., представляется вполне достаточным основанием для постулирования нулевого знака — лексы и соответствующей лексемы. Впрочем, подобные знаки — пустые и нулевые сразу — представляют собой вырожденный случай и, как явление достаточно парадоксальное, встречаются редко.

Вопрос 3-й. Нулевое агентивное дополнение с неопределенноличным значением не усматривается во фразах типа (5) *Иван был приглашен к трем часам* потому, что в общем случае соответствующее значение (т. е. «люди») в подобных конструкциях не выражается (см. стр. 353). В (25) *Он был весь исцарапан* или в (49) *Он был опрокинут* абсолютно ничего не сказано о том, кем/чем он был исцарапан и опрокинут (это могли быть и люди, и стихии, и животные); (49) не синонимично ни с (50) *Его опрокинули*, ни с (51) *Его опрокинуло*. Естественно, что «нулевое агентивное дополнение» никак не оправдано в конструкциях типа (5), (25), (49) также и синтаксически: его наличие в СС соответствующих фраз никогда не проявлялось бы на поверхности, т. е. в каких-либо согласованиях и т. п.

Правда, в (5) агент совершенно ясен — это именно люди, так что (5) действительно полностью синонимично с (1) *Ивана пригласили к трем часам*. Но тут все дело в собственном смысле глагола *приглашать* и в наших знаниях о реальном мире. Поскольку приглашать могут только люди, вернее — лица в широком смысле (коллективы, учреждения, организации), то смысл «люди» (в качестве агента) извлекается в (5) из самого глагола *приглашать*, что и обеспечивает смысловое равенство (1)=(5); при глаголах, не являющихся обозначениями специфически человеческих действий, подобное равенство, как мы видели, не имеет места.¹⁰